

ТРИ ИНТЕРВЬЮ С БЫВШИМИ НЕМЕЦКИМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ, ПРИНИМАВШИМИ УЧАСТИЕ В АНТИПАРТИЗАНСКИХ АКЦИЯХ

Эти интервью первоначально были размещены на сайте, созданном людьми, явно сочувствующими национал-социалистическим идеям. Немецкие ветераны, среди которых есть бывший солдат [Бригады Дирлевангера](#), военный полицейский и офицер Дивизии SS-Polizei, не считают себя виновными в военных преступлениях, гордятся своим прошлым открыто демонстрируют приверженность идеям гитлеризма. Они не испытывают сожалений по поводу того, что когда-то вторгались в другие страны, куда их никто не звал и где их ненавидели просто потому, что они были оккупантами. Вероятно, это относится к очень многим немецким ветеранам ВМВ. Стоит ли удивляться тому, что у них много идейных последователей...

**ИНТЕРВЬЮ С ЧЕЛОВЕКОМ ПО ИМЕНИ КАРЛ-ХАЙНЦ,
бывшим военным служащим Бригады *Dirlewanger***

Галле/Halle, Германия (на тот момент – ГДР), 1989

Наиболее известная, возможно, постановочная фотография дирлевангеровцев. Даже здесь заметен пестрый состав военнослужащих этого формирования.

Спасибо, что согласились встретиться со мной. Могу ли я спросить, что привело Вас в Ваффен СС, и узнать о раннем периоде Вашей жизни?

Я не собираюсь отвечать на многие вопросы, потому что есть вещи, о которых я не могу говорить. Мой отец был членом [Союза Красных Фронтовиков/Roter Frontkämpferbund](#), и когда нацисты пришли к власти, его отправили в лагерь, так как он отказался с ними сотрудничать. Моей матери пришлось содержать семью за счёт небольшой работы и государственной помощи. В юном возрасте меня отправили работать в Лейпциг на птицеферму. В 1941 году у меня возникли проблемы с хозяином из-за пропавших кур, поэтому меня вызвали в суд, и судья постановил отправить меня на военную службу. Вербовщик направил меня в отдельное подразделение, состоявшее из бывших преступников и находившееся под управлением СС. Меня приняли и послали на обучение. Эта жизнь меня устраивала: она была не такой тяжёлой, как я представлял себе военную подготовку. К нам относились довольно хорошо и хорошо кормили.

Я понимал, что моё время придёт, так как многих из моего класса уже призывали. Хочу сказать, что люди в этом подразделении были в целом хорошими - их осудили за мелкие преступления, за которые нацисты, тем не менее, строго наказывали. Кто-то был здесь за браконьерство, кто-то за кражи, за пьянство в общественных местах, за драки и дезертирство. Позже к нам даже присоединились заключённые концлагерей - армия нас за это высмеивала, и я упоминаю об этом, потому что это показывает, что лагеря были не такими, какими их представляли: некоторые даже утверждали, что они евреи. Наша подготовка была во многом такой же, как в остальной армии: ранние подъёмы, физические упражнения, марши и обучение. Иногда проводились политические беседы, но нечасто: мы готовились к войне, а не к выборам.

К 1942 году *бандиты* на востоке начали проникать в некоторые районы и удерживать их, поэтому нас стали готовить к борьбе с ними. Мы учились вести боевые действия в лесах: отслеживать противника, окружать его и уничтожать. Мы изучали взрывное дело и даже учились штурмовать здания для последующего ближнего боя. К сожалению, в ходе этого процесса я не был подготовлен к тому, с чем мне предстояло столкнуться. Тем не менее, в 1942 году война шла успешно, и казалось, что Германия победит. Это было хорошее время для нас, и мы были полны оптимизма, считая, что служба нашей стране поможет нам обрести новую идентичность. Именно это и привело меня в бригаду.

Вы встречались с [Оскаром Дирлевангером](#)?

Да, он был нашим командиром. Он встречал каждый новый выпуск после обучения и наблюдал, как мы приносили присягу, которая под страхом смерти связывала нас с ним. Я помню, что он был невысоким человеком и опытным солдатом с жёстким взглядом. Он был справедлив и всегда хотел, чтобы с нами хорошо обращались. Он говорил, что всегда будет заботиться о нас даже несмотря на нашу плохую репутацию в Рейхе и поможет нам вернуть то, что мы потеряли из-за собственной глупости. Я помню, один новобранец самовольно покинул часть, и его могли расстрелять, но вместо этого ему назначили дополнительное пребывание в карауле. Он был очень гуманным и добрым по отношению к нам. Он говорил, что мы должны быть готовы к тяжёлым боям, так как нам противостоит жестокий и злобный враг, который убивает всех, кто встаёт у него на пути. Он рассказывал, как видел убитых невинных детей из-за того, что их родители помогали немцам, мы, по его словам, могли встретить красивых женщин, которые способны убить так же легко, как закалённый солдат. Он учил нас, что мы должны быть жёсткими, если хотим выжить, потому что наш враг стремится только к тому, чтобы убить нас, а наши правила иногда мешают нам эффективно сражаться. Однако он подчёркивал, что мы обязаны соблюдать законы войны и нашей страны. Я делаю на этом особый акцент. Для меня он был необычным солдатом, но хорошим командиром.

Могу ли я спросить, каким был Ваш первый боевой опыт?

Меня направили в первый батальон, который перевели в Россию из Польши. Моё подразделение работало совместно с разведкой СС, которая отслеживала еврейских повстанцев, действовавших из гетто, созданных в 1940 году. Союзники помогали им создавать весьма изобретательными способами каналы для передачи информации о передвижениях войск и других секретах. Распространялись листовки, предупреждавшие, что любая помощь врагу карается смертью. На практике эти люди редко прислушивались к этому. Нам было разрешено по решению суда входить в гетто и проводить обыски при малейшем подозрении в шпионаже.

Однажды радиопеленгатор перехватила сигнал из близлежащего гетто, и нашему подразделению поручили провести обыск. Мои товарищи обнаружили русский полевой радиопередатчик, который, как мы выяснили, передавал *бандитам* информацию о нашем присутствии. Была вызвана полевая полиция, и семью увезли в лагерь. Это было моё первое задание. Мой первый настоящий бой произошёл немного позже. Мы охраняли

многочисленные еврейские районы, что было скучно. У нас даже было время играть с детьми и знакомиться с девушками, хотя нам было приказано не заводить ни с кем дружбу, чтобы случайно не выдать важную информацию. Я познакомился с еврейской девушкой моего возраста, которая делала сыр - она делилась со мной, а я давал ей шоколад и сигареты.

Однажды ночью, был убит один из наших товарищей, и мы решили, что это был снайпер. Когда улеглась связанная с этим суматоха, выяснилось, что он случайно застрелил себя, пытаясь впечатлить девушку тем, как он обращается с винтовкой. Однако следующей ночью пропал другой солдат, а ещё через несколько ночей на одного из наших напали *бандиты* и убили его. Мы поняли, что происходит что-то серьёзное. Один из товарищей сказал, что видит вдали костры, и нам приказали проверить, что это было. Мы выдвинулись туда пешком, соблюдая полную тишину. Потребовалось несколько часов, чтобы добраться до места, где были видны огни. Наш офицер пошёл вперёд на разведку и вдруг зацепил сигнальную растяжку - мы различили в свете ракеты небольшой лагерь. Среди нас были опытные бойцы, и они сразу открыли огонь, а ещё через несколько секунд по нам открыли ответный огонь. Мы упали на землю и начали стрелять вслепую. Видимость была плохой, и трудно было понять, есть ли цель. Мой шарфюрер приказал нескольким из нас следовать за ним, чтобы обойти лагерь. Я услышал русскую речь и выстрелил в ту сторону, после чего по нам открыли огонь. Мой унтер-офицер был вооружён *МР40* и начал стрелять очередями. Потом он бросил в их сторону две гранаты.

После того как прошло, как нам казалось, несколько часов, наконец наступила тишина. С рассветом мы увидели последствия нашего боя. Это был небольшой лагерь - по моим оценкам, восемь *бандитов*, включая женщину. Один был тяжело ранен, и его застрелили, чтобы прекратить его страдания, так как у нас не было возможности сохранить ему жизнь. У одного из них мы нашли две солдатских книжки, принадлежавшие пропавшему и убитому солдатам, а также схематические рисунки с обозначением наших позиций. Это была разведывательная группа, работавшая на более крупные силы.

Действовали ли Вы вместе с другими подразделениями, например, с русскими [коллорабационистами] в борьбе против партизан?

Да, территории на востоке, где мы находились, были огромны. Там было где укрыться тем, кто хотел взрывать мосты или пускать под откос поезда. Советские власти пытались заставить всех мирных жителей отступать вместе с ними, но большинство этого не сделало. Сотни тысяч добровольно отправились либо работать в Рейхе, либо служить вместе с нами. Другие вели свои собственные этнические войны, действуя рядом с нами. Между многими русскими разгорелись застарелые конфликты, которые мы не могли остановить. Скажу прямо: некоторые из этих этнических войн были чрезвычайно жестокими. У различных групп внутри России были между собой старые счеты, и эти локальные войны были смертоносными. Однажды мы наткнулись на деревню в Беларуси, которая была сожжена — все жители были мертвы. Сначала мы подумали, что это дело рук *бандитов*, но позже узнали, что это сделали части *[Русской] Освободительной Армии*. *Бандиты* заняли деревню и набросились на семьи солдат [РОА](#) (вероятно, речь идет о семьях коллаборационистов — ВК). Они уничтожили всю деревню целиком, чтобы быть уверенными в том, что избавились от всех своих врагов.

В нашей бригаде были бывшие советские солдаты, заключённые концлагерей, русские гражданские, помогавшие готовить еду и чинить нашу форму, а также люди, освобождённые из немецких тюрем. Мы представляли собой довольно пёструю компанию, и армия нас не любила, потому что мы были *сборной солянкой*. С таким разнообразием характеров проблемы были неизбежны. Иногда происходили драки, которые наши командиры останавливали, некоторые отбирали у мирных жителей еду или еще что-то, случались и другие мелкие нарушения. Если виновных находили, их сурово наказывали.

Кроме того, я расскажу вам один известный мне случай. Двое новобранцев были размещены в доме у русской супружеской пары около сорока лет, причём женщина была очень привлекательной. Они напоили мужа и попытались воспользоваться его женой, пока тот был в отключке. Женщина выбежала и рассказала об этом часовому, который привёл нашего командира. Эти парни, находившиеся в состоянии опьянения, признали её обвинения, и поскольку у них уже были дисциплинарные нарушения, их отдали под военно-полевой суд за попытку изнасилования и на следующий день расстреляли. Я входил в состав расстрельной команды.

Мотоциклисты из Бригады Дирлевангера, Беларусь, 1943. Обратите внимание на разнообразие стрелкового оружия...

Кадр из фильма [Иди и смотри](#) (1985). Возможно, вышеприведенная фотография или похожая на нее подсказала создателям фильма то, как изобразить немецких карателей...

Это заставляет меня спросить Вас, насколько правдивы утверждения о том, что ваше формирование действовало по всему Восточному фронту и убивало, насиловало и пытало всех, кто попадался под руку. Хотите прокомментировать эти обвинения?

Ну что ж, парень, я только что привёл тебе пример того, почему все эти истории о нас — полная чушь. Ни одно воинское подразделение не бывает идеальным — всегда найдутся люди, которые ломаются и делают то, чего делать не должны. Союзники были хуже нас.

Беларусь, ноябрь 1943 года. Немецкие каратели расправляются с людьми, заподозренными в принадлежности к партизанам...

Я просил тебя не давить на меня по этому вопросу, потому что в моей собственной стране я могу попасть в тюрьму за то, что расскажу другую версию событий, отличную от официальной. Скажу только, что правду о нас не рассказывают. Недавно обнаружили одного из моих товарищей, и Польша хочет его судить. Другой дал интервью в 60-х, заявив, что обвинения против нас ложны - его арестовали и посадили в тюрьму. Ещё один был чиновником на выборной должности, так его сняли с поста и подали на него в суд после того, как он сказал, что мы соблюдали законы войны. Поэтому мы не можем говорить правду - мы боимся за своё будущее.

Каратели позируют рядом с трупами расстрелянных польских крестьян. 1943 год

Хорошо, понимаю. Тогда могу ли я хотя бы спросить, что происходило в Варшаве во время восстания?

О Варшаве я скажу: я там был, и после этого больше никогда не буду об этом говорить. В 1944 году, когда союзники вторглись во Францию, Советы начали массированное наступление по всей линии растянутого немецкого фронта. Нас уже использовали как линейные боевые части, но противник значительно превосходил нас численно, и мы несли тяжёлые потери. Советы применяли мощную артиллерию, чтобы прорвать наши оборонительные линии. Мы постепенно отступали к окраинам Варшавы. Поступали сообщения, что советские агенты активно подбивают гражданское население на восстание, обещая скорое освобождение. Несколько наших патрулей попали в засады и уничтожены. Мы начали замечать это ещё во время отступления - люди понимали, что мы проигрываем, и многие мирные жители, не желая быть обвинёнными в сотрудничестве с нами, начали войну против нас, надеясь на прощение. Они устраивали засады на санитарные машины, поезда и автобусы. Так был атакован автобус с женщинами-военнослужащими из вспомогательных частей (Helferinnen)— девушек изнасиловали и расстреляли. Я лично видел это под Варшавой, в Закренте/Zakręt: были убиты десять молодых женщин и двое сопровождавших их солдат. Все были застрелены в голову, у многих девушек были спущены трусы, у некоторых были следы крови в области гениталий. Наш командир сделал фотографии, чтобы задокументировать это жестокое преступление. Говорили, что в этом районе действовали еврейские *бандиты*.

Подразделения РОА, находившиеся на нашем фланге, захватили нескольких бойцов-[партизан], и наши офицеры попросили передать их нам. Когда их привели, мы заметили, что многие выглядели как евреи. Наши командиры спросили их, их ли это рук дело, и после применения лёгкого насилия - вроде выкручивания рук и пальцев - они признались, что входили в состав крупного формирования из гражданских лиц, созданного с помощью Советов для борьбы против нас. «Да, они атаковали автобус,» - сообщил наш переводчик. Их было около пятидесяти. Командир РОА и наши офицеры посоветовались, после чего объявили, что по военным законам региона они приговорены к смерти. Наши люди и люди из РОА расстреляли их после того, как связали. Несколько человек пытались убежать до исполнения приговора, но им это не удалось.

До нас стали доноситься звуки боя внутри Варшавы, и нас собрали вместе. [Эрих фон дем Бах-Зелевский](#), Оскар Дирлевангер и другие высокопоставленные офицеры провели совещание, а затем обратились ко всем нам. Они сказали, что союзники вооружили часть гражданского населения города, и те теперь сражаются против нас и совершают акты террора. Их следовало рассматривать как *бандитов*, но я хочу подчеркнуть: нам сказали проявлять милосердие, если его просят. Мы узнали, что годом ранее, во время вывода евреев из гетто — это делалось из-за их преступной и активной разведывательной деятельности - они оказали яростное сопротивление. Они убили нескольких солдат и мирных жителей, а оружие получили от Советов. СС пришлось привлечь множество боевых частей, чтобы подавить [это выступление](#), и в итоге сопротивление было сломлено, и их и отправили в лагеря под охраной. Советы даже бомбили гетто, убив сотни людей, по неизвестной причине — этим они фактически помогли СС, так как это сломило сопротивление.

Теперь польское население стало следующей целью союзников — им обещали свободу, если они будут помогать им в борьбе против нас, а мы уже были на грани поражения. Поэтому они подняли восстание, нападая на гражданских, работавших на нас, и на одиночных солдат. Они построили разветвлённую сеть бункеров и туннелей для проведения налётов. Они захватили еврейское гетто и западную часть города. Именно такой была ситуация в городе, когда мы туда прибыли. Армия смогла подтянуть свои формирования, чтобы сдерживать повстанцев, но все атаки [на позиции повстанцев] отбивались с большими потерями. К счастью, у нас уже был опыт подобной войны. Как только наши грузовики высадили нас, по нам открыли огонь снайперы, и у нас появился первый погибший. Дирлевангер был настолько взбешён, что по телефону потребовал

танковую и авиационную поддержку. Подъехала мобильная зенитка и обрушил огонь на то место, откуда, как мы считали, велась стрельба. Затем был отдан приказ сравнять это здание с землёй, и артиллерия выполнила задачу. Они [повстанцы] выскакивали оттуда как безумные, стреляя по нам, но мы всех их перебили. Артиллерия нанесла огромный урон их укрытиям. Это продолжалось часами; некоторые, появляясь словно из ниоткуда, сдавались — их допрашивали и отправляли в тыл.

Должно быть, погибли сотни людей: мужчины, женщины и дети. Мы были в ярости: эти люди были настолько глупы, что решили противостоять нам, да ещё и с детьми. Насколько жестоким должен быть родитель, чтобы подвергать своих детей такой опасности, зная, что мы будем стрелять в ответ? Дружественно настроенные поляки помогали нам, указывая очаги сопротивления. В одном месте мы нашли подвал, где немецкие солдаты подвергались пыткам: повсюду была кровь, у них были выбиты зубы и отрезаны пальцы. После этого было объявлено, что больше пленных брать не будут, но Эрих фон дем Бах-Зелевский отменил этот приказ. Некоторые солдаты, особенно иностранные добровольцы, проигнорировали его и расстреливали всех, кого захватывали — из-за той жестокости, которую, по их словам, проявляли эти гражданские.

Мы находились там уже несколько дней, и западная часть города пылала. Ее атаковали *Штуки*, применялась тяжёлая артиллерия, и теперь у нас были огнемёты, чтобы жечь этих *чертей* там, где пули не могли их достать. Мы даже использовали громкоговорители, призывая их хотя бы отпустить детей, чтобы те не пострадали. Некоторые подчинились, и всё больше людей сдавалось. Были организованы пункты первой помощи для их раненых. Один из бойцов сдался, а затем бросил гранату в отдыхающий взвод - его собственная группа случайно попала под перекрёстный огонь, в результате чего погибли четверо. Это была печальная ошибка, но наши нервы были на пределе из-за той жестокости, на которую, как мы считали, были способны эти гражданские. Такова сила пропаганды.

Тела поляков, убитых во время [Вольской резни](#) 12 августа 1944 года

Я помню, как один армейский генерал прибыл осмотреть разрушения и, увидев тела, которые всё ещё не были похоронены, спросил, действительно ли всё это было необходимо. Дирлевангер и другие повели его на ознакомление с ситуацией, показывая, как повстанцы сражаются до последнего, из-за чего было трудно брать их в плен. Они держались, потому что верили, что с нами уже покончено и что в любой момент победоносные союзники придут их спасти. Советы даже мешали им, обстреливая город, но попадали по районам, которые те удерживали, тем самым снова невольно помогая нам и разрушая их укрытия. Я пробыл в Варшаве два месяца и могу сказать, что мы сражались

упорно и хорошо, не забывая про свою честь. Когда поляки всё же сдались, мы брали их в плен, вместе с ними мы взяли и нескольких британских и советских солдат. Их направили туда союзники, чтобы помогать в обучении и организации.

К октябрю всё было кончено. Они запросили условия капитуляции, и наши командиры предложили им весьма щедрый сценарий: все должны сдать оружие, преступников выдать нам, а остальные могут вернуться домой. Это казалось безумием, но у нас просто не было возможности содержать их. У нас заканчивалась еда, поэтому имело смысл отпустить их. Я видел, что они были удивлены: многие думали, что мы всех их расстреляем. Многие из них выстраивались в очередь, чтобы сказать нам, что сожалеют, но десятки тысяч людей, погибших напрасно, словно стояли перед нашими глазами.

Дирлевангер со своими офицерами и солдатами...

Что произошло с Вами в конце войны и после неё?

После Варшавы нам дали отпуск и время на восстановление. Нам присвоили статус особой бригады, и ходили разговоры о преобразовании нас в полноценную боевую дивизию. К нам поступили новые, специально обученные добровольцы, но иногда они были очень молоды. Мы получили много переводчиков, поскольку в наших рядах по-прежнему было большое число иностранцев. Остаток 1944 года прошёл спокойно: мы восстанавливались, но затем нас перебросили в Венгрию для борьбы с коммунистами, которые затем решили присоединиться к нам — что мы приняли неохотно. За ними приходилось постоянно следить. Мы входили в состав частей, противостоявших мощным советским атакам в 1945 году, и сражались отчаянно. Лично я подбил два танка *T-34*, действуя в составе противотанковой части. Мы сдерживали их, но они подтянули свежие силы, а у нас закончились боеприпасы, и мы были вынуждены отступить.

Мы уже находились в Германии, и наша дивизия насчитывала всего несколько сотен человек, разбросанных по разным местам. Советские войска активно использовали *бандитов* на передовой линии, и те прочёсывали местность в поисках оставшихся. Мы слышали, что бойцов СС убивают на месте, так как за наши головы была назначена награда вследствие советской пропаганды, изображавшей нас убийцами детей и стариков.

Еврей [Эренбург](#) был мастером такого рода разжигания ненависти, как и его союзнические аналоги.

У Б Е Й!

Вот отрывки из трех писем, найденных на убитых немцах:

Управляющий Рейнгардт пишет лейтенанту Отто фон Шираху:

«Французов от нас забрали на завод. Я выбрал шесть русских из Минского округа. Они гораздо выносливее французов. Только один из них умер, остальные продолжают работать в поле и на ферме. Содержанье их ничего не стоит и мы не должны страдать от того, что эти звери, дети которых может быть убивают наших солдат, едят немецкий хлеб. Вчера я подверг легкой экзекуции двух русских бестий, которые тайком пожрали снятое молоко, предназначенное для свиных маток...»

Матаас Цинлих пишет своему брату ефрейтору Генриху Цинлиху:

«В Лейдене имеется лагерь для русских, там можно их видеть. Оружия они не боятся, но мы с ними разговариваем хорошей плетью...»

Некто Отто Эссман пишет лейтенанту Гельмуту Вейганду:

«У вас здесь есть пленные русские. Эти типы пожирают кожных червей на площадке аэродрома, они кидаются на помойное ведро. Я видел, как они ели сорную траву. И подумать, что это — люди...»

Рабовладельцы, они хотят превратить наш народ в рабов. Они вывозят русских

к себе, надеваются, доводят их голодом до безумия, до того, что, умирая, люди едят траву и червей а погавный немец с тухлой сигарой в зубах философствует: «Разве это люди?...»

Мы знаем все. Мы помним все. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятье. Отныне слово «немец» разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих и будет мучать их в своей окаянной Германии. Если ты не можешь убить немца пухлей, убей немца штыком. Если на твоём участке затихло, если ты ждёшь боя, убей немца до боя. Если ты оставишь немца жить, немец повесит русского человека и опозорит русскую женщину. Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов. Не считай зней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобой немцев. Убей немца! — это просит старуха-мать. Убей немца! — это молит тебя жена. Убей немца! — это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!

Илья ЭРЕНБУРГ.

Знаменитая статья Ильи Эренбурга в газете Красная звезда. 24 июля 1942 года...

К апрелю 1945 года мы понимали, что всё кончено. Мирные жители, которые помогали нам с продовольствием и заботились о нас, сами начинали испытывать нехватку еды, и мы знали, что нам некуда идти. Наш штурмфюрер собрал нас и сказал, что нам следует снять любые знаки различия СС, поскольку союзники убеждены, что мы - зло. После этого мы могли попытаться добраться до их линий и сдаться. Многим уже позволили действовать самостоятельно, но я верил, что сила в численности, поэтому остался с группой. Я снял свои знаки различия и сжёг их, как и многие другие. Во время отступления я наткнулся на телегу, в которой лежал армейский мундир, и взял его, оставив свой старый. Мы переправились через Эльбу и сдались американскому патрулю. Я сказал, что служил в армии в противотанковой части, и изобразил состояние боевого шока. Меня отправили в госпиталь, где я провёл весь май и июнь, отдыхая. В августе меня выписали, и я вернулся домой.

Когда до меня дошли рассказы о моей бригаде и о тех зверствах, в которых нас обвиняли, я одновременно испытывал гнев и страх. Советская администрация очень мстительной, и я научился держать рот на замке. Я вернулся к профессии сельскохозяйственного рабочего и лишь изредка связывался с выжившими, опасаясь преследования. Скажу так: нам пришлось сражаться, потому что у нас, по сути, не было выбора. Это была кровавая,

отвратительная и грязная война, но мы не были теми плохими людьми, какими нас изображают газеты. Мы воевали честно и проявляли милосердие — особенно учитывая, против кого мы сражались.

**ИНТЕРВЬЮ С ЧЕЛОВЕКОМ ПО ИМЕНИ ЙОЗЕФ Х.,
бывшим полицейским (Ordnungspolizei), участником подавления [Варшавского восстания](#), участником [Польской](#) и [Французской](#) кампаний**

Трир, Германия, 1990

Плакат 1941 года (слева) посвящен Дню Немецкой Полиции/Tag der deutschen Polizei. Он выпущен при поддержке организации WHW - [Зимняя помощь немецкому народу/](#) Winterhilfswerk des Deutschen Volkes. Плакат справа также посвящён Дню Немецкой Полиции. Обратите внимание, что на обоих плакатах изображены сотрудник Полиции Порядка и сотрудник СД.

Спасибо, что согласились поговорить со мной. Я хотел бы начать с вопроса о том, как Вы оказались на службе в полиции.

Хорошо, молодой человек. Я хотел бы ответить, но вы должны помочь мне — сохранить это в тайне. Мы не можем позволить себе открыто говорить о нашем времени на войне. Вы понимаете? Я родился в Берлине, если точнее — в районе Кройцберг. Мой отец был рабочим на фабрике, а мать работала в пекарне. Детство в 1920-е годы было очень запутанным, поскольку марксисты и нацисты боролись друг с другом. Я до сих пор помню, как *красные* в нашем районе устраивали парады и митинги. Они настаивали, чтобы все к ним присоединялись или хотя бы поддерживали их, а если ты этого не делал, ты для них ничего не значил. Моя мать, помню, их поддерживала, а отец — нет. Они часто спорили за ужином о том, кто из них больше сделает для простых людей. Скажу, что склонило меня на сторону отца: я видел, как эти люди травили тех, кто не соглашался с их идеями. Я был крепким и крупным для своего возраста, поэтому часто вмешивался в такие конфликты. Я

не мог позволить им издеваться над более слабыми ребятами из-за того, что кто-то их поддерживает, а кто-то нет. Это оставило у меня очень неприятное впечатление.

В 1932 году моя мать серьёзно заболела и больше не могла давать деньги *красным*. Я помню, как отец говорил, что это хорошо: теперь они не смогут вымогать у неё деньги. В итоге она умерла от рака, и ни один из *красных* не пришёл выразить соболезнования. Мой отец тогда начал склоняться к [СА](#), и оттуда прислали человека с цветами и письмом для меня. Письмо давно утеряно, но командир подразделения СА писал мне, чтобы я был сильным и бесстрашным. Он писал, что я буду чувствовать себя как корабль без паруса, дрейфующий в океане, но наставления моей матери всегда будут со мной и дадут мне силы идти дальше. Он говорил, что она словно призывает меня быть смелым и принести честь нашему роду. Это сильно на меня повлияло, и тогда я понял, что это люди высоких моральных принципов.

Красные часто преследовали моего отца, поскольку у него было много друзей в СА: в 1932 году его уволили с работы за поддержку нацистов. Его начальник и многие рабочие были членами *Красного Фронта*. Затем его приняли в берлинское подразделение СА, и партия стала помогать нам с едой и оплатой жилья. В 1933 году наша жизнь улучшилась: к власти пришёл Гитлер, и отец получил новую работу на фабрике. Позже он получил должность в [Имперской Службе Труда](#) (RAD - Reichsarbeitsdienst) в качестве руководителя строительных проектов. Это приносило гораздо больше денег, и наше положение улучшилось.

Я знал, что закончу школу в 1938 году, поэтому после нее решил пойти в армию. Я начал службу в 24-м Артиллерийском Полку. Я был полон желания исполнить свой долг перед новой Германией, как и большинство из нас. Я был ранен в начале войны и отправлен на лечение, но ранение не позволило мне больше служить на передовой. Мне предложили вступить в *Ordnungspolizei/Полицию порядка*, и я согласился. После дополнительной подготовки меня отправили в Польшу.

Насколько я понял, Вы участвовали в войне с Польшей в 1939 году. Могу ли я спросить, каким это было для Вас и что Вы помните?

Это был наш первый боевой опыт, и, могу сказать, нам всем было довольно страшно. Кризис с Польшей стал для нас неожиданностью тем летом. Газеты писали о переговорах с Польшей - Германия требовала вернуть территории или хотя бы получить коридор в Восточную Пруссию. По сути, речь шла о землях, которые были отняты у Германии. Гитлер хотел исправить ситуацию и вернуть хотя бы часть. Поляки отказались от того, что большинство из нас считало разумными предложениями - просто вернуть нам наше, и то не всё, а лишь часть. Их поддерживала Англия, которая, по нашему мнению, стремилась доминировать в Европе.

Гитлер понял, что мирного решения не будет, и из-за атак на наших граждан и границы мы начали мобилизацию. Мы двинулись на юг и вошли в Польшу, где сразу встретили сопротивление. Мы столкнулись с сильными формированиями противника, подготовленными к наступлению на Силезию. Нам пришлось прорывать их оборону, что было временами очень трудно. Это была хорошо снабжённая армия, проявлявшая храбрость - иногда они даже превосходили нас численно. Я впервые увидел в бою наши *панцеры*, и они показали себя достойно. Нам приходилось отражать атаки польских танков, которые, как я помню, имели более мощные пушки, чем наши лёгкие танки. Наши пушки выпускали снаряд за снарядом, пока боеприпасы не закончились, и нам пришлось ждать подвоза боеприпасов, но мы всё же остановили их атаки. К нам на помощь подошли другие полки, и мы смогли оттеснить поляков. Они упорно сражались на протяжении всей кампании — это была совсем не лёгкая победа. Я видел, как они сбили бомбардировщик недалеко от наших позиций, мы видели экипаж, спускавшийся на белых парашютах, но

позже, когда заняли эту территорию, больше их не нашли. Позже мы узнали, что поляки расстреляли их — это было военным преступлением.

У нас были тяжёлые бои с поляками, которые иногда отступали, скрывались где-то, а затем нападали на нас с тыла. Это было одной из причин нашей неприязни к этим людям: иногда они сражались достойно, а иногда — скрытно и, по нашему мнению, коварно. Мы уважали тех солдат, которые сражались честно, но к тем, кто действовал подло, относились с презрением. Скажу вам вот что: несмотря на это мы обращались с ними справедливо. Мы оставались в Польше до тех пор, пока нас не перебросили на запад - против Франции.

Как проходила Французская кампания? Что Вы помните?

Франция для меня длилась недолго — возможно, это меня и спасло, кто знает. Мы вошли в Бельгию и продвигались очень быстро, так как сопротивление было слабым. Когда мы вошли во Францию, нас задержал один город, и там нас атаковали тяжёлые танки. Я находился на позиции, когда на нас начали падать снаряды, и меня ранило в живот. Мои товарищи смеялись, говоря, что для меня война окончена и мне придётся наслаждаться победой, лёжа в постели. Меня вывезли с передовой и отправили поездом обратно в Рейх. Ранение было серьёзным и осложнилось заражением, поэтому я пролежал в госпитале до октября 1940 года. Затем мне сказали, что «играть в войну» мне больше не придётся — меня переводят на лёгкую службу, в штаб. Мне также вручили документы для того, чтобы записаться в полицию, и сказали, что я могу поступить туда на службу, чтобы на моё место мог встать полностью здоровый человек.

Мой отец за время моего отсутствия на войне снова женился, и казалось, что я больше не нужен дома. Поэтому я согласился вступить в полицию, подал заявление и был направлен на обучение. После этого меня снова отправили в Польшу и назначили в штаб *Полиции порядка* в Варшаве.

Как проходила служба в Варшаве? Как складывались отношения с местным населением?

Отношения с местным населением были хорошими, но город был большим, и в нём были проблемные районы. В первый год моего пребывания я видел, как польские солдаты возвращались домой, видел, как освобождали военнопленных. Они должны были регистрироваться у нас, чтобы мы могли учитывать, кто есть кто. Город повсюду восстанавливался - мы обстреливали его в ходе осады, так как польская армия превратила его в крепость. Немецкие и польские фирмы работали вместе, а *Красный Крест* открыл свои отделения, чтобы помогать населению. Мне поручили наблюдать за женщинами из трудовых бригад, прибывшими помогать полякам. Существовали опасения, что некоторые поляки будут применять насилие по отношению к ним или домогаться. Нас закрепили за определенной улицей, чтобы охранять здание, где они жили - это было моё первое задание. У нас были ежедневные маршруты патрулирования: мы либо ходили по улицам, либо несли охрану. В моём районе одно здание было признано аварийным, и нам поручили следить, чтобы никто не пострадал от падающих кирпичей. Когда здание сносили, собиралось много людей, и их нужно было сдерживать. Там использовали новую машину для сноса, и дети хотели на ней поиграть... В первые годы город был довольно приятным местом. Жизнь шла почти как в мирное время: можно было ходить в музыкальные клубы, бары, кино, театры и другие места развлечений. Проводились ярмарки, по всему городу были рынки, где можно было купить разнообразную хорошую еду. Можно было увидеть, как поляки свободно общаются с немецкими военнослужащими, размещёнными в городе. Конечно, иногда случались драки или жалобы, но в целом атмосфера была довольно дружелюбной. Многие немцы обращались к нам с жалобами, что их обманули или обсчитали уличные торговцы - нам приходилось разбираться и с такими случаями. Ничего особенно примечательного не было: обычно это были попытки обмануть туриста. Часто, когда мы вмешивались, всё быстро улаживалось.

Как я уже сказал, я не видел в Польше ничего такого, что могло бы выставить нас в плохом свете. Сегодня некоторые утверждают, что мы угнетали их и совершали ужасные вещи. Может, они и говорят правду, но я этого не видел. Да, в городе были проблемные районы, где присутствие полиции было усиленным, но злоупотреблений не было. Я бы не сказал, что поляки любили нас как братьев, но и той ненависти, о которой пишут газеты, тоже не было. Арестовывали ли мы преступников, находившихся в розыске? Конечно. Иногда гражданские лица могли испытывать неудобства из-за обысков или допросов, но это происходило редко и было связано с военным временем.

Насколько я понял, Вы находились в Варшаве во время восстания. Могу ли я спросить, как это было? Что Вы видели?

Да, я там был, но до этого было несколько восстаний. В Варшаве был большой еврейский квартал, и чтобы защитить евреев от поляков, а также лучше контролировать их, многих переселили туда. Некоторые из них использовали это место как базу для саботажа и шпионажа в пользу врага. Из-за этого тех, кого ловили, вместе с их семьями отправляли на восток, в лагеря. Когда это началось, некоторые стали нападать на тех, кто участвовал в их переселении, в основном на других евреев. Это привело к вводу дополнительных подразделений и депортации значительной части населения на восток. Были забастовки и другие акции, организованные коммунистами, но их лидеров арестовывали, и это обычно подавляло сопротивление.

Восстание, о котором вы говорите, произошло в августе 1944 года. Я действительно там был, хотя хотел бы, чтобы этого не было. Это было пятном на мировой истории — впервые гражданские по собственной воле стали участниками боевых действий. Мы знали о существовании подполья - в основном это были бывшие польские солдаты, которых мы ранее отпустили. Союзники помогали им вооружаться и вести против нас диверсионную и разведывательную войну. Они спиливали [телеграфные] столбы, распространяли листовки и портили оборудование. Некоторых из них мы ловили — я это помню — и они начинали выдавать друг друга. У нас была довольно хорошая сеть поляков-[информаторов], которые помогали нам следить за этими людьми. В основном этим занималась служба [СД](#).

Лично я не видел признаков того, что должно произойти что-то подобное, но ходили слухи, что фронт приближается и поляков подталкивают к восстанию. Люди, работавшие на нас, сообщали о случаях сброса союзниками с воздуха взрывчатки и другого военного снаряжения. Моё подразделение провело обыск одного из домов в нашем районе, и мы нашли фальшивые деньги, оружие, пропуска и материалы для изготовления бомб. Прибыли сотрудники СД и использовали это для возбуждения дел против нескольких жителей. Они начали давать показания и рассказали о чём-то крупном, намеченном на август, поэтому СД разослала предупреждения всем немецким и союзным частям в городе.

Для меня всё началось с нападения на немецкий госпиталь - эти *террористы* первым делом атаковали слабых и беззащитных. Они расстреляли медсестёр, вышедших на перекур, и убили раненых, находившихся на улице. Начали поступать сообщения о нападениях на отдельных немцев, я слышал стрельбу. Телефонные линии разрывались от звонков - сообщали, что на улицах люди с оружием. Из воинских частей по радио передавали, что по ним ведут огонь гражданские, а к нам доставляли раненых, которых приносили польские жители.

Мой командир вызвал всех офицеров и вспомогательный персонал. Я помню чувство неверия в то, что всё это действительно происходит. Я вышел на улицу с группой офицеров, нам выдали автомат *MP40*, что показалось странным. У меня был служебный *Вальтер/Walther*. Мы слышали отдельные выстрелы, и по пути я увидел первого убитого немца — это был молодой парень из RAD, который занимался ремонтом повреждений

после авианалёта. Я помню горящий армейский автомобиль, а когда подъехала пожарная команда, по ней открыли огонь.

Вначале в городе почти не было боевых частей - в основном это были солдаты, находившиеся в отпуске или на лечении, и именно на них поляки и нападали. И я скажу: так называемая [Армия Крайова](#) не брала пленных — они убивали любого немца, который попадал им под руку.

Польский повстанец конвоирует пленных немцев

В первые дни стало ясно: всё будет очень плохо. Мы задержали гражданскую женщину с красно-белой повязкой; через переводчика она сказала, что носит её, чтобы считаться участником боевых действий. После этого было приказано считать всех с такими повязками вооружёнными бойцами, а всех без них *террористами*. Противник начал захватывать части города, и поступали всё новые сообщения о том, что наших солдат находят изувеченными и жестоко убитыми. Я помню одного - его тело было покрыто ранами от вил, его пытали, а затем закололи ими. Я также помню молодую медсестру, которая примчалась к нам в казармы, сумев сбежать от толпы, избившей и ранившей её ножом. Я видел, как вражеские самолёты пролетали над нами, атаковали наши позиции и сбрасывали грузы повстанцам. Нашей авиации я не видел вовсе: она перегруппировывалась из-за советского наступления, которое, как мы позже узнали, остановилось прямо перед Варшавой.

С востока доносился грохот, что воодушевляло поляков. Нам пришлось укрыться в казармах, и один из наших товарищей где-то раздобыл оружие. У нас появился пулемёт и гранаты, которыми я умел пользоваться. В моём районе было относительно спокойно, и к нам приходило много мирных жителей за помощью — эта «армия освобождения» убивала своих же. Любого, кого они считали лояльным нам, убивали. Мы организовали вывод нескольких сотен гражданских лиц из города - я участвовал в этом. Мы сопровождали их на пути за пределы города, и я увидел немецкие части, готовящиеся вступить в него и оказать нам помощь. Тогда я смог лучше понять, что произошло. *Армия Крайова* атаковала ключевые объекты и захватила большое количество оружия. У них были танки, тяжёлое оружие, гранаты и зенитные установки. Сначала они противостояли больным солдатам и тем, кто находился в отпуске. Они захватывали оружие, находившееся в вагонах железнодорожных составов, убивали машинистов, кочегаров и охрану - вели себя как обычные бандиты. СС бросили в бой против них иностранные подразделения: других сил просто не было. Насколько я понимаю, они не знали пощады. Это были люди из России и Украины, которые не испытывали симпатий к полякам, главным образом потому, что мирные жители вели себя как комбатанты, а это считалось преступлением. Я также видел, как готовятся к бою наши танковые и зенитные части. Нас отправили обратно в город с

грузовиком оружия, продовольствия и медикаментов, и по дороге я заметил непрерывный поток гражданских, покидающих город - почти все они не поддерживали бойцов *Армии Крайовой*. Хотите верьте, хотите нет, но некоторые даже приветствовали нас, когда мы возвращались в город. Один держал табличку на ломаном немецком с такими словами: «Защитите нас от красных, как это делали наши отцы», если я правильно помню. Так что мы знали, что не все жители были против нас: на самом деле многие приходили нам помогать. Можно сказать, что между самими поляками шла своего рода гражданская война: некоторые сражались против *Армии Крайовой*.

Кроме того, в *Армию Крайову* тайно внедрялись советские агенты, чтобы заставить ее стать союзником СССР. В итоге они воевали и против нас, и против самой *Армии Крайовой* (вероятно, немец имеет в виду партизан из *Армии Людовой*). Я видел одного такого - его поймали, и на нем была гражданская одежда поверх советской формы - его отправили в отделение СД. Сторонники Красной армии захватили нескольких заложников, требуя обмена на этого человека. Видимо, он был для них важной персоной: они вернули нескольких немцев, которых захватили. Среди последних были как солдаты, так и женщины из вспомогательных служб.

Армия Крайова захватывала части города и превращала их в крепости. Нам приходилось использовать артиллерию и танки, чтобы выбивать их оттуда. Там находилось много гражданских - кто-то отказывался уходить, кто-то поддерживал *Армию Крайову*, а кого-то просто не выпускали. Когда я сегодня слышу о многочисленных жертвах среди мирного населения, я вспоминаю именно это. Позже в том же месяце мой участок подвергся атаке - нас обстреливали из *панцерфаустов* и забрасывали гранатами. Мы отбили атаки благодаря прибывшему на место боя армейскому инженерному подразделению. Здания вокруг нас были повреждены, некоторые жители были ранены, и нам пришлось помогать доставлять их в полевой госпиталь. Госпитали были обозначены знаками Красного Креста, но это не делало их безопасными — армейские подразделения были вынуждены размещать их за пределами города. Госпитали, где находились раненые немцы, подвергались атакам, поэтому все военные объекты пришлось вывести из города. Мы слышали грохот всё более интенсивных боев и мощные взрывы — это тяжёлая артиллерия била по позициям противника. Мы расспрашивали встреченных нами солдат, чтобы узнать, как идут дела — становилось ясно, что постепенно мы укрепляли свои ряды и возвращали контроль над городом. Нам начали поручать патрулирование вместе с вновь прибывшими армейскими частями, поскольку мы хорошо знали свой район. Однажды по нам открыли огонь из одного из зданий, и после этого, как говорится, «время милосердия закончилось»: применили огнемёт, чтобы выжечь противника. Повстанцы выскакивали оттуда, словно крысы, стреляя по нам, и были уничтожены; выживших взяли в плен. С этого момента нам было приказано брать в плен всех — даже тех, кто не носил [красно-белую] повязку.

Бои за возвращение города шли в полную силу. Наши орудия, размещенные у реки, обстреливали все здания, из которых по нам вёлся огонь. Поляки использовали любые объекты: королевский замок, музеи, церкви, школы. Любое здание, где находились эти *преступники*, подвергалось обстрелу и штурму. Если утверждается, что при этом гибли мирные жители, то причиной было то, что по нам стреляли. Я знаю, что существовали приказы учитывать присутствие гражданских и не трогать имевшие историческое или культурное значения здания, но характер боёв делал это трудно выполнимым. Когда противник занимает здание и использует его как укрытие для ведения огня, эту угрозу приходится устранять. После боёв я видел группы наших, зачищавшие здания, и большинство трупов, которые я видел, принадлежали бойцам *Армии Крайовой* с [красно-белыми] повязками. Я почти не видел среди погибших женщин и детей.

Когда сегодня рассказывают, что мы хладнокровно разрушали школы, больницы и библиотеки, убивая молящихся родителей и детей, просивших пощады, я не верю, что это правда. Что касается повстанцев, то они позволили ненависти завладеть их душами, и произошло это при поддержке советской пропаганды. Истории о том, что детские сады намеренно давили танками, что матерей насиловали на глазах у детей и тому подобное —

выдумки, использовавшиеся для оправдания [изгнания немцев](#) и последующих жертв среди последних уже после войны.

[Юрген Штроп](#) (*Jürgen Stroop*), четвертый справа, генерал-лейтенант полиции (9 ноября 1943) и генерал-лейтенант войск СС (1 октября 1944) в дни подавления восстания в [Варшавском гетто](#). Повешен в Варшаве в 1952 году.

Могу ли я спросить, видели ли Вы какие-либо массовые казни и военные преступления, о которых говорят, что они происходили во время боёв?

Должен признаться, я видел один такой случай и едва избежал участия в нём. Видите ли, поляки считались *незаконными комбатантами*, ведь гражданским лицам не разрешалось атаковать военных. За это полагалась смертная казнь согласно тогдашним конвенциям. Многие гражданские были задержаны или выданы за убийство немецких военнослужащих или участие в нападениях на них. В таких случаях, учитывая ожесточённость боёв и страх перед возможным наступлением советских войск, этих людей казнили как террористов и преступников. Та группа, которую я видел, насчитывала около 15 человек - всех их поймали с оружием и награбленным имуществом. Приговор им зачитал офицер СС, который, как я полагаю, был прибалтом или поляком: он прекрасно говорил по-польски. Меня включили в состав расстрельной команды, но в последний момент направили сопровождать гражданских, пытавшихся покинуть город. Когда мы шли в нескольких кварталах оттуда, я услышал выстрелы. Странно, но я ничего не почувствовал - мне казалось, что свершилось правосудие. Это всё, что я видел лично, хотя, конечно, слышал и о других случаях. По всему городу людей, которых ловили с оружием и без [бело-красной] повязки на рукаве, разрешалось расстреливать.

Сейчас говорят, что это было незаконно, но тогда считалось, что гражданские не имеют права участвовать в боевых действиях, и, если они это делали, то знали, чем это может закончиться. Я видел только тех, кого содержали как военнопленных или кто не хотел участвовать в боях. После войны я разговаривал с солдатом зенитного подразделения, который рассказывал, что они нашли дом, где держали [пленных] немецких солдат, - все они были связаны и убиты выстрелами в голову... Про себя могу сказать, что сам я относился к полякам с уважением и вел себя с ними достойным образом. Я был зол на то, что они подняли восстание, но это была очень небольшая группа внутри *Армии Крайовой*.

Я видел капитуляцию - их ряды были немногочисленными. Мы свою честь не уронили: мы приняли официальную капитуляцию у гражданского формирования и позволили им просто уйти. Мы забрали их оружие и видели, с какой враждебностью они смотрели на нас, когда они покидали город. Если бы мы делали то, в чём нас обвиняют, мы не позволили бы свидетелям уйти и рассказать об этом всему миру. Более того, многие были удивлены - даже мы - что их не отправили в лагеря на принудительные работы. Нам самим не хватало рабочей силы, но мы позволили им уйти - возможно, идея заключалась вот в чём - пусть теперь советская сторона заботится о них.

То, что сегодня говорят, будто мы сознательно убивали женщин и детей - бессмыслица. Мы слишком сильно дорожили своей честью, чтобы дойти до этого, тогда как противник расстреливал медсестёр и женщин из вспомогательных подразделений, не говоря уже о тех поляках, кого убивали за помощь немцам. Поэтому, когда утверждают, что солдаты СС расстреливали мирных жителей и совершали массовые убийства, я говорю: «Вы тоже это делали». Некоторые повстанцы вели себя крайне жестоко, по-садистски: дело выглядит так, будто бы они описывают собственные деяния, но приписывают их СС. И, если СС действительно опускались до такого уровня, это было лишь ответом на предшествовавшие этому действия так называемой *Армии Крайовой*.

Что произошло с Вами после этих боёв в городе? Как жили люди после этого?

Видите ли, нам пришлось остаться в городе, чтобы восстановить порядок. Некоторые гражданские возвращались, и мы помогали им убедиться, что их жилища безопасны, чтобы не было угрозы от [неразорвавшихся] снарядов и бомб и разрушений. Существовала угроза скорого советского наступления, поэтому мы должны были быть готовы быстро покинуть город. Военные полностью контролировали Варшаву, и был установлен следующий порядок - ночью никому нельзя было выходить на улицу. Советы время от времени обстреливали город, и находиться снаружи становилось опасно. Большинство гражданских уже покинуло город, они либо были эвакуированы, либо ушли сами, опасаясь Советов. Тем не менее, часть людей пыталась выжить. Я видел, как некоторые пытались открыть бизнес - они работали прямо на улице за простыми столами, потому что здания были разрушены.

В наше подразделение прибыли несколько новых людей, и мы занялись восстановлением порядка в нашем районе Варшавы. Постепенно всё больше жителей возвращалось, считая, что советское наступление остановилось. Они могли нас не любить, но боялись Советов, поэтому сотрудничали с нами. Были выделены силы для восстановления электро- и водоснабжения, разрушенного в ходе боёв. Было много детей, оставшихся без родителей - те либо погибли, либо исчезли. Я хорошо помню одну маленькую девочку, мы называли её *Птичка*, потому что она часто пела. Её родителей нигде не было, и она говорила на ломаном немецком. Мы думали, возможно, её семья была настроена к нам доброжелательно, поэтому она оставалась с нами, пока не заработал Красный Крест. Мы устроили ей комнату и нашли для неё игрушки в разрушенном магазине. К декабрю Красный Крест и церкви начали работу по поиску родственников. Мы предоставили им наши архивы, чтобы сопоставлять имена и находить семьи. Проводились даже небольшие восстановительные работы, но к тому времени немцев уже эвакуировали, и топливо гражданским не выдавалось, за исключением врачей и нужных работников.

Многие дети приходили за помощью. Был случай, который можно назвать чудом: к нам пришёл мальчик, едва говоривший. Он схватил одного из наших товарищей за руку и начал тянуть его за собой. Мы все пошли за ним: по его виду и запаху было ясно, что что-то случилось. Он отвёл нас за три квартала к разрушенному зданию. Мы услышали крики из подвала и обнаружили, что его мать зажата там. Мы вызвали сапёров с отбойными молотками и через несколько часов освободили её. Женщина и мальчик искали еду и вошли в повреждённое здание, когда оно обрушилось. Они находились там несколько дней, прежде чем ребёнку удалось выбраться наружу. Мы нашли повреждённую машину скорой помощи и отвезли их в действующий госпиталь.

Я знаю, что предпринимались усилия, чтобы найти всех пропавших немцев. Рассылались запросы с просьбой о предоставлении информации, но город был слишком большим и небезопасным из-за разрушений. Мы находили места, где расстреливали наших солдат, и мне казалось, что их убийцы просто ушли безнаказанно. Говорили, что генералы были обеспокоены действиями иностранных бойцов, но всё же всех их простили. Я считаю, что этих генералов просто обманули...

Та зима, помню, была очень холодной, и нам приходилось добывать дрова, чтобы согреться. Из-за большого количества разрушенных зданий дерева было достаточно. Я начал замечать, что поездами прибывает всё больше немецких войск. Я надеялся, что новое наступление с применением *нового оружия*, о котором говорил Гитлер, приведёт нас к победе. В конце концов, это советские войска начали массированное наступление — они сильно обстреляли город, и, кажется, в январе мы получили приказ отступать. Мы двигались в холоде и под дождём — это было ужасно. Наш грузовик сломался, и нам пришлось идти пешком. Мы несли только самое необходимое. И вот тут у меня начались проблемы: ночью нас внезапно обнаружил советский патруль, и мы попали в плен. Я не был военнотружущим, но для них мы все были такими — нам сказали, что мы теперь пленные Сталина. С нами обращались очень грубо: били прикладами, отбирали всё, что у нас было. К этому времени я думал только о том, как вернуться домой. Я слышал, что советские войска убивают пленных, и такое обращение не внушало уверенности в будущем. Нас держали в открытом поле без укрытия и почти без еды. Побегов не было — думаю, большинство просто радовалось, что война закончилась. Мой товарищ заметил участок лагеря у леса, где охранник часто засыпал. В одну туманную ночь мы подошли к проволоке и руками сделали подкоп под неё - нас никто не видел. Мы договорились держаться вместе, но на тот случай, если выйдет по-другому, пожелали друг другу удачи и побежали. Никаких криков не было. Я до сих пор думаю - а заметили ли вообще наше исчезновение?

Я знал, что судьба немцев, которые оказались сами по себе, вне воинских частей, была тяжёлой: многих убивали партизаны или тайная полиция. Возможно, побег спас нас от этого. Мы держались вместе и двигались на запад, скрываясь в лесах. По дороге я наткнулся на разгромленную немецкую транспортную колонну, и мы взяли себе всё, что смогли найти. Советские солдаты уже разграбили почти всё, и нам пришлось обыскивать тела погибших в поисках еды. Я нашёл пистолет и взял его — на всякий случай. Мы знали, что людям обещали награды за выдачу немцев.

Позже мы разделились, и я больше не знаю ничего о судьбе моего товарища. Мне удалось добраться до расположения немецкой части, после чего меня направили в Бреслау, но я знал, что советские войска уже близко, поэтому продолжал двигаться дальше и в итоге оказался в Лейпциге. Мне пришлось явиться в местную полицию, где проверили мою историю и направили помогать управлять потоками беженцев, спасавшихся от советских войск. Им нужно было указывать, куда идти, и распределять скудные ресурсы. Я видел самых разных людей от остарбайтеров и военнопленных до напуганных гражданских и солдат, оставшихся от разбитых частей. Мы старались направить их туда, где им могли помочь, но на этом этапе войны всё это было крайне трудно сделать. Тем не менее мы пытались сохранять порядок, насколько это было возможно.

Вы в итоге сдались?

Конечно. Я сдался американцам, и поскольку у меня были новые документы, где значилось, что я служу в *Полиции Порядка* в Лейпциге. Меня сначала задержали как пленного, но вскоре отпустили и привлекли к работе на союзников. Им нужны были полицейские, чтобы поддерживать порядок и помогать перемещённым лицам. Со мной обращались хорошо: нам предоставили казармы, американское питание, и у нас впервые за долгое время появилось топливо. Мы могли выходить на патрулирование вместе с американскими солдатами. Потом меня перевели в Мюнхен. Мы не испытывали симпатии к союзникам и старались, по возможности, не участвовать в арестах наших бывших товарищей. Но мы

пережили войну и бои, и было уже хорошо просто остаться в живых, поэтому, если нужно было примириться с тем, что происходило вокруг, мы так и делали...

**ИНТЕРВЬЮ С ГЮНТЕРОМ ОРТМАННОМ (GÜNTHER ORTMANN, 1916-2002),
командиром 3-го Батальона 3-го Полка Дивизии SS-Polizei (III./SS-Pol.Inf.Rgt.3)**

Регенсбург, 1989 год

Я рад, что Вы согласились встретиться со мной. Могу ли я начать с вопроса о том, что привело Вас в полицейскую дивизию СС?

Сразу уточню - я не был добровольцем СС в полном смысле: я был полицейским под руководством СС. Как и все мы, мы служили в *Полиции Порядка* в Рейхе, и когда началась война, был объявлен набор добровольцев на фронт. Я и многие мои товарищи хотели внести свой вклад и отправились на фронт. Сначала мы были лишь полицейским полком — с полицейскими званиями и знаками различия, а не СС. Мы подчинялись общему руководству рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, который курировал и СС, и полицию.

Наше обучение проходило в казармах Ваффен СС под руководством инструкторов СС, и они были очень строгими. Скажу, что большинство немецких полицейских должны были быть в хорошей физической форме, но некоторые люди постарше не соответствовали требованиям, и их не допускали к боевой службе. Отбирали только лучших и наиболее подготовленных, причём преимущество отдавалось холостым: считалось, что женатые будут слишком много думать своих семьях. Те из нас, кто был отобран, рано утром явился на сбор, после чего мы маршем отправились к поезду, который вёз нас в учебные лагеря. Для меня это было новым приключением и возможностью стать свидетелем истории. Мы проходили полный курс подготовки СС, хотя у некоторых уже был опыт строевой подготовки, поэтому им было легче.

Вас отправили воевать на Восточный фронт. Как это было для Вас?

Вы должны понимать, что Россия - огромная страна, во много раз больше Германии. Она была очень красивой, с бескрайними просторами и богатой природой. Моя дивизия была приписана к группе армий *Север*, и мы постоянно вели бои, пытались продвинуться к Ленинграду и дальше. С первого дня русские оказывали упорное сопротивление, из-за чего продвижение шло медленно, и нам часто приходилось останавливаться для пополнения запасов. Местность на севере была трудной для передвижения - сырая, болотистая, с очень ограниченным числом дорог. Многие дивизии застревают на дни, пытались продвинуться вперёд - это была идеальная оборонительная среда для противника. В это время нас предполагалось использовать лишь как резерв для закрытия брешей в линии фронта. Однако сопротивление противника нередко делало нас передовыми частями. Чем ближе мы подходили к Ленинграду, тем больше укреплений встречали. В районе Луги советские войска оказывали ожесточённое сопротивление, и на прорыв их обороны уходили дни. Мы оттеснили советские войска и окружили Ленинград, но он оказался чрезвычайно трудной целью. Верховное командование перебросило часть дивизий на юг, из-за чего наша блокада ослабла, и осада продолжалась до 1944 года.

Я помню зимнее наступление, когда армии с востока пошли на запад и прорвали наши растянутые линии. Некоторые части были отброшены далеко назад, а города Холм и Демянск оказались в окружении, но вошли в немецкую военную легенду благодаря тому, что удержались вопреки всему. Бои были исключительно ожесточёнными - часто доходило до рукопашных схваток, когда мы сталкивались с массированными атаками сотен пехотинцев. Советские войска иногда использовали тактику времён Первой Мировой — волна за волной, что было трудно сдерживать. У них, казалось, было неисчерпаемое

количество артиллерии и боеприпасов. У нас - нет. Несмотря на наличие у нас хорошего вооружения, снабжение в таких условиях было почти героической задачей.

Военнослужащие Дивизии SS-Polizei под Ленинградом рядом с танком T-26C (Panzerkampfwagen T-26 737r), 1942 год

Кроме того, у нас возникали проблемы с доставкой зимнего обмундирования, когда наступили холода. Дороги были узкими и плохо построенными, и по ним шло всё снабжение. Вы, наверное, видели фотографии рек грязи, так что было настоящим чудом, что до нас вообще доходили какие-либо грузы. Иногда приходилось использовать авиацию, чтобы снабжать передовые части горючим и боеприпасами. Та зима была самой холодной за всё время наблюдений, и это сильно осложняло передвижение, но советское командование перебрасывало на фронт части, привыкшие к таким условиям. Удивительно, но мы удержались той зимой, приложив сверхчеловеческие усилия - мы остановили их наступление, а весной перегруппировались и отбросили их назад.

Моя дивизия оставалась на востоке до 1943 года, после чего нас перебросили на запад для восстановления и преобразования в полноценную механизированную (панцергренадерскую) дивизию. После этого, получив возможность отдохнуть и побывать в отпуске, мы были направлены в Грецию для борьбы с партизанскими группировками, организованными Советами и союзниками. Они действовали довольно жестоко, и это вызывало жёсткие ответные меры со стороны немецких частей и их греческих союзников. Партизанская война очень кровопролитна, и именно поэтому союзники её поощряли, используя ответные меры как средство пропаганды.

Как Вы воспринимали русских, и как они относились к немецким солдатам?

С самого первого дня, как мы вошли в Россию, нас встречали как освободителей. Я слышал, что в Польше люди бросались к ногам немецких солдат, благодаря их за освобождение от советской власти. Я не верил этому, пока не увидел своими глазами в Прибалтике и в России.

Жители одной из деревень вблизи западной границы Литвы приветствуют проезжающих на мотоцикле BMW R 12 солдат 12-й Танковой Дивизии Вермахта. 26 июня 1941 года

Советская система была очень жестокой ко всем, кто не поддерживал её добровольно. Когда мы вошли в Россию, люди выходили нас встречать, и первое, о чём они просили — это разрешить богослужения. Для нас это было странно, поскольку мы воспринимали возможность посещать церковь как нечто само собой разумеющееся. Я помню, как была вновь открыта церковь Святого Николая, и священник из подразделения сухопутных войск провёл службу. Люди говорили, что это была первая служба с 1922 года.

У людей было мало еды, но они были удивительно самодостаточны и жили за счёт земли. Они даже приглашали нас на обеды и ужины, чтобы отпраздновать своё «освобождение». Как полицейское подразделение, мы всё чаще привлекались к обеспечению порядка. То есть после того, как район считался «зачищенным», местные жители рассказывали нам о тех, кто ранее ими управлял - по их словам, часто это были евреи. Они показывали могилы людей, которых, как утверждалось, увели и убили те, кто остался верен советской власти, и требовали возмездия. Мы начали формировать патрули для прочёсывания лесов в поисках групп, которые, по словам местных, скрывались там. Также начали действовать партизаны: перерезались телефонные линии, сжигались мосты, были нападения на населённые пункты, куда мы входили.

Люди постарше рассказывали, что во время и сразу после революции бесчисленное количество людей исчезло без следа. Мы слышали это снова и снова. Это убеждало нас в необходимости и справедливости нашей борьбы. С самого начала нам говорили, что мы должны хорошо относиться к русскому населению: они не наши враги. Мы воевали против большевизма, который должны были уничтожить. Для большинства из нас было очевидно, что мы предотвратили нападение Советов на Европу. Мы сталкивались с армиями, подготовленными к наступлению, располагающими огромными запасами [оружия и снаряжения]. До сих пор я с уважением отношусь к русским: они были такими же жертвами

Советов, как и мы. Я ненавижу советскую систему, которая уничтожила миллионы, и считаю, что, если бы Германия победила, мир был бы лучше.

Раз уж речь зашла о России и Греции, могу ли я спросить об утверждениях о том, что там совершались военные преступления? Победители говорят, что СС уничтожили множество мирных жителей...

Это не так. Да, нам приходилось иметь дело с очень неприятными людьми и ситуациями. Я скажу также, что многие журналисты и авторы разыскивают нас, и когда мы с ними не соглашаемся, они говорят: «Вы не знаете истории, ведь всё это, очевидно, происходило». Я отвечаю: «Нет, вы говорите, что я не знаю вашей версии истории и раздражены тем, что я отказываюсь с вами соглашаться». Существует много так называемых историков, которые строят свои обвинения на том, что написали и рассказали победители. Они используют материалы судебных процессов, свидетельские показания и признания солдат. Это создаёт удобную картину, которая якобы окончательно доказывает нашу коллективную вину.

Я лично участвовал во многих операциях против нарушителей закона и партизан. Я видел, как молодого человека повесили за изнасилование немецкой [женщины-помощницы](#). Я видел, как сжигали деревню, потому что там прятали оружие и продовольствие для партизан: жителей либо расстреливали, если у них находили оружие, либо отправляли в лагеря за помощь врагу. Я видел то, что могло показаться актами крайней жестокости со стороны наших русских союзников (речь идет о коллаборационистах-карателях – ВК), но, мы знали всю правду, и это можно было счесть оправданным. Я видел и случаи мести со стороны мирных жителей, направленной против партизан, агенты которых жили среди них и доносили на кого-то из них, что приводило к гибели невинных. Обычные люди ненавидели партизан не меньше, чем мы, считая их грабителями, захватчиками заложников и убийцами. Каждая акция немцев, которая сегодня трактуется как военное преступление, было законной карательной мерой, направленной на наказание виновных и предотвращение будущих атак и диверсий. Полицейские батальоны, действовавшие в тылу или на оккупированных территориях, сталкивались с хорошо организованным и снабжаемым противником.

Вот интересный момент - во время войны я прошел курс, проведенный испанским психиатром, которому [Франсиско Франко](#) поручил изучить мышление коммунистов. Тот пришёл к выводу, что сторонники коммунизма и левых идей психически нестабильны, склонны к насилию, лишены рациональности и в целом недовольны жизнью. Они ненавидели христианство, власть и «естественный порядок вещей» и считали, что единственный способ достичь всеобщего счастья - разрушать всё, что им противостоит. Во время [Гражданской войны в Испании](#) они убивали священнослужителей, сжигали церкви, уничтожали культурные ценности и переписывали историю. Ситуация была настолько сложной, что Франко приказал бомбить Мадрид, чтобы «очистить» Испанию от этой «болезни». После войны выжившие [республиканцы] бежали во Францию, Польшу и Советский Союз. Поэтому пришлось продолжить борьбу против этих людей, которые воевали с крайней жестокостью, движимые ненавистью к врагу. Соответственно, наши методы также должны были быть жёсткими, как единственный понятный противнику язык.

Такая борьба с партизанами велась всеми сторонами, и союзники действовали столь же жёстко. Однако в итоге именно союзники выступили судьями, прекрасно понимая, что Германия действовала так же, как действовало бы любое государство. Но все было не так ужасно, как это описывают советские источники и их союзники. Партизанская война чаще всего проходила спокойно: немецкие силы входили в подозрительные населённые пункты, проводили обыски и изымали то, что было запрещено иметь. Виновных арестовывали и отправляли в тюрьмы. Применение силы происходило только тогда, когда немецкие части подвергались нападениям и несли потери. Важнее налаживать отношения с населением, чем создавать новых врагов, и предпринимались усилия для установления доверия между ним и нами.

Херсон, январь 1942 г., ул. Суворова.
Советские патриоты, казненные за распространение
антифашистских листовок .

В 1943 году нас отправили в Грецию для отдыха и переформирования. Погода там была намного лучше, чем в России, а местные жители — дружелюбными. Однако там также происходили организованные нападения на греческие коммерческие предприятия, сотрудничавшие с немцами, и нам пришлось искать тех, стоящие за этим. Это были, в основном, левые радикальные группы: коммунисты и анархисты. Они смогли взять под контроль часть территории, откуда было выбита греческая [прогерманская] милиция. Мы проводили совместные [с греческими ополченцами] операции в этих районах, и это привело к большим потерям среди *фанатиков*. Греки так же, как и мы, казнили некоторых из тех, кого брали в плен. Позже стало известно, что эти [партизанские] группы были причастны к убийствам, грабёжам и захвату заложников. Сегодня же рассказывают только о том, что мы убили множество невинных людей, и раз это говорят победители, это считается правдой.

Повешенные немцами греческие патриоты

Греческие дети – последствия голода, вызванного немецкой оккупацией

В этом и заключается наша *борьба*, но лишь немногие немцы теперь имеют силы её вести, потому что слишком многое можно потерять, если пытаться защищать своё поведение во время той войны. Проще оставить все как есть, поскольку нет возможности всему этому противостоять. Сразу после войны мы пытались это делать, и многие суды вставали на нашу сторону, снимая обвинения, но *новое правительство* действует последовательно и продолжает преследовать немцев. Если и были доказанные злодеяния с нашей стороны, то они «перекрываются» жестокостью тех, кто воевал против нас. Нас называют «зверями» за суровое обращение с преступниками, но противник делал то же самое, просто скрывая причины ответных, принимаемых против них мер. Если бы эти причины были известны, многие согласились бы с нашими действиями. Наши враги сегодня стараются заставить их молчать, чтобы не дать нам возможности защитить себя.

Одной из проблем для нас было то, что и советская сторона, и союзники уничтожили большинство людей, которые могли бы опровергнуть эти обвинения, а перед этим вынудили их дать ложные признания. Я слышал это от многих бывших бойцов [дивизий СС] *Leibstandarte Adolf Hitler* и *Das Reich*, которые сидели в тюрьмах вместе с осуждёнными. Им говорили: «Если просто признаешься, останешься жив, если нет, пострадает и твоя семья». Известно, что многие следователи были бывшими немецкими евреями или коммунистами, покинувшими Германию и затем вернувшимися, чтобы отомстить. Многие процессы, закончившиеся обвинительными приговорами, были односторонними и основанными на ложных показаниях политически мотивированных свидетелей. В лучшем случае люди просто не понимали, что за этим последуют наказания за преступления, свидетелями которых они сами не были.

Пулеметчики Дивизии SS-Polizei. Обратите внимание на обремененного венком белого орла на касках – эмблему дивизии

А как насчёт обращения с евреями? Разве Вы не считаете это преступлением?

Послушайте, мы были боевым формированием и не имели никакого отношения к концлагерям или евреям. Мы сражались против еврейских партизан, и это приводило к *эвакуации* некоторых населённых ими городков в гетто. Я ни разу не видел какого-либо плохого обращения с евреями - вообще. Я знаю, что их отправляли в лагеря, об этом знала вся Германия, но тех, кого туда отправляли, считали врагами. Было множество евреев, которые оставались на территории Рейха, не занимались политикой и, соответственно, их не трогали.

Черные американские солдаты наблюдают за тем гражданскими немцами, которых привели на место расстрела заключенных, убитых во время «[марша смерти](#)» из Бухенвальда. Недалеко от Наммеринга, Германия, 1945 год

В Берлине к концу войны всё ещё было значительное еврейское население, и евреи также служили Рейху в разных ролях. Они не были нашими врагами: врагами были только левые радикалы. То, что с ними происходило в лагерях — это предмет споров, о котором нам не позволено говорить.

Как Вы относились к советским военнопленным? Говорят, что с ними плохо обращались и их убивали.

Советские военнопленные в концентрационном лагере Маутхаузен. Австрия, январь 1942 года.

Я думал, мы обсуждаем мою службу, а не военную пропаганду. Так или иначе, мы брали много пленных, и, насколько я видел, с ними обращались хорошо. Многие даже переходили на нашу сторону, особенно в конце войны. Им не нравилось, как Сталин вёл войну, и в глубине души у них были счеты с советской властью. Были и фанатики - их держали в лагерях, и я не думаю, что с ними плохо обращались. Я часто слышал, что им разрешали работать на немецких фермах рядом с лагерями. Пленные, которых мы брали, по моим наблюдениям, содержались хорошо и даже казались довольными тем, что больше не участвуют в боевых действиях. Им нравилось смотреть наши фотографии девушек и наших домов: у них самих, как правило, не было фотоаппаратов, так как они были очень бедны. Мне казалось, что, показывая им эти фото, мы делаем им что-то приятное. Конечно, среди наших солдат были и те, кто их не любил и позволял себе насмешливые комментарии. Это было связано с тем, как мы воспринимали их методы ведения войны: те жестокости, которые мы видели, было трудно забыть. Наши командиры внимательно следили за поведением солдат при захвате пленных - были строгие приказы не заниматься рукоприкладством и не обращаться с ними жестоко. Кроме того, наши солдаты оказывали помощь раненым пленным, даже партизанам. Помню случай: один из наших солдат получил выговор от врача за то, что у него слишком много времени заняла доставка раненой женщины-снайпера [на перевязочный пункт] для оказания ей врачебной помощи. До этого она застрелила нашего товарища во время контратаки и сама была ранена осколками снаряда 20-мм зенитной пушки.

Немецкий солдат дает воды раненому красноармейцу...

Насколько я знаю, Вы были награждены **Железным Крестом** и редкой **Почётной Пряжкой**. Каково это — носить такие награды?

Эти награды давались за то, что человек выжил в бою — именно так мы их воспринимаем. Я горжусь тем, что служил своей стране в военное время и сражался с честью. *Почётная Пряжка/Ehrenblattspange* сама по себе не имела какого-то особого значения: её вручали, по сути, за то же - за то, что выжил в бою и за действия, которые позволяли получить повторное награждение **Железным Крестом 1-го Класса**. Солдаты не воюют ради наград и орденов, но они являются свидетельством того, через что мы прошли. Пули, снаряды,

бомбы, которые нас не задели — вот что они символизируют. Они также напоминают о товарищах, которые погибли за нас и рядом с нами.

Любой честный солдат скажет вам, что носит свои награды с гордостью, как напоминание о своей службе Отечеству и о товарищах, благодаря которым эти награды стали возможны. Для меня было большой честью быть упомянутым [в боевых донесениях] и получить Почётную Пряжку — я носил её с гордостью на ленте моего Железного Креста.

Источник

<http://www.mourningtheancient.com/>

<https://picturehistory.livejournal.com/2479468.html>

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник с применением ИИ

Возврат к главной странице www.warsstory.org